

Василий БЕЛОЗЕРОВ

КАК ФОРМИРУЮТСЯ И РЕАЛИЗУЮТСЯ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДОКТРИНЫ

В статье рассматривается место и роль политических доктрин в жизни общества, дается анализ работы Гаэтано Моски «История политических доктрин». Автор исследует возможности историко-компаративистского и институционального методов анализа политических доктрин.

The article considers the place and the role of political doctrines in social life, analyzes Gaetano Mosca's work titled «History of Political Doctrines». The author reveals the potentials of historical-comparative and institutional methods for the analysis of political doctrines.

Ключевые слова:

политические доктрины, идеология, политические институты, Гаэтано Моска, историко-компаративистский анализ, институциональный анализ, расовые теории, марксизм; political doctrines, ideology, political institutes, Gaetano Mosca, historical and comparative analysis, institutional analysis, racial theories, Marxism.

Один из классиков мировой политической мысли итальянский исследователь Гаэтано Моска (1853–1941) известен, прежде всего, как автор оригинальной теории политического класса. Вместе с тем у стремящегося развиваться политолога в силу ряда причин не может не вызывать интерес другая работа Моски — «История политических доктрин»¹, увидевшая свет в 1933 г. Чтение ее способствует рефлексии проблемы политических доктрин.

Думается, сам по себе пересказ содержания книги мало что даст для объяснения того, почему издание представляет интерес. Как представляется, достаточно лишь указать, что автор рассматривает многое, известное из курса истории политических учений. Вместе с тем ценность работы, созданной восемь десятилетий назад, проявляется в нескольких позициях.

Однако, прежде всего, следует разобраться с тем, что автор подразумевает под словом «доктрина». Обычно в качестве доктрины принято понимать учение, научную или философскую истину². Как известно, в современной России популярно использование слова «доктрина» для названия официальных документов стратегического планирования. Например, Военная доктрина РФ представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации.

Моска же понятие «политические доктрины» использует как устойчивое словосочетание для характеристики тех или иных воззрений, причем в связке либо с эпохой или регионом (политические доктрины народов Востока, античной Греции и Рима и др.), либо с конкретными персоналиями (политические доктрины Платона, Аристотеля и др.).

Суть же видения Московской политических доктрин скорее передает понятие «идеология». Как известно, идеология — это система взглядов и идей, в которых осознаются, оцениваются и проявляются отношения людей к действительности и друг к другу. На этой основе проявляются социальные проблемы и возникают конфликты. В идеологии отражаются программы деятельности какой-либо социальной группы, направленные на закрепление или изменение сложившихся общественных отношений.

БЕЛОЗЕРОВ
Василий
Клавдиевич —
д.полит.н.,
сопредседатель
Ассоциации военных
политологов,
заведующий
кафедрой
политологии
Московского
государственного
лингвистического
университета
vk_belozerov@mail.ru

¹ Моска Г. История политических доктрин. — М.: Мысль, 2012.

² См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М., 2004, с. 218.

Исповедование социальными субъектами — нациями, государствами, партиями, классами, элитами и др. — той или иной политической доктрины означает, что они усвоили и отстаивают собственную, отличную от других систему ценностей. На практике же это означает, что в реальной жизни названные субъекты руководствуются конкретными нормами, правилами, образцами поведения, отражающими желаемую для них модель устройства властных отношений. Не случайно как синоним политической доктрины Москва в книге часто использует слово «конституция», под которой он, судя по всему, понимает декларацию и правовую регламентацию признанных и утвердившихся ценностей и норм, относительно которых сложился консенсус и в соответствии с которыми народ организует свою жизнь. Например, как политическая доктрина де-факто в книге характеризуется английская Великая хартия вольностей 1215 г.

В целом же в работе представлен подробный обзор и анализ многих политических доктрин, возникших в течение цивилизованной истории человечества (их первые признаки обнаруживаются уже в 6 тысячелетии до нашей эры). Поэтому не удивительно, что многие политические доктрины имеют свои корни в прошлом, где находятся их аналоги и предтечи. Изучение же доктрин позволяет выявить сходство и различие учений и идей, принадлежавших разным странам и регионам, эпохам и мыслителям, понять их связь и взаимовлияние, а в ряде случаев — установить преемственность. Поэтому можно утверждать, что Москва прибегает — и достаточно умело — к использованию историко-компаративистского анализа. И такой способ оказался довольно продуктивным, поскольку, как указывает автор «Истории политических доктрин», «подлинный метод изучения законов, регулирующих политическую жизнь и культуру народов, состоит в постижении их истории, и только таким путем можно достичь подлинно научных результатов»¹. В работе специально подчеркнуто то, что «политические институты не могут быть одинаковыми у разных народов, они — неизбежное следствие прошлого данного народа, и его следует учитывать, насколько это

возможно, в работе этих институтов»². Думается, что данный тезис позволяет понять, почему изначально обречены на неудачу, например, попытки установления универсальной и единой для всех западно-либеральной модели демократии в различных регионах мира, столь резко отличающихся своей историей и культурой.

Кстати, Москва приводит, как представляется, очень точное объяснение отличий в понимании свободы у восточных и западных народов: «Концепция политической свободы, как понимаем ее мы, европейцы, и как она передана нам греко-римской цивилизацией, была неизвестна восточным народам. Они считали себя свободными, если не были покорены народом другой расы и особенно другой религии»³. В этой связи не удивительно, насколько своеобразным, например, являются политическое сознание и поведение жителей нашей страны, традиции которой складывались веками в столь отличных от Европы условиях.

Констатация факта наличия значительного числа и разнообразия политических доктрин позволяет поставить вопрос о том, какую роль они играют в жизни социальных организмов, каково их назначение. Как представляется, чтобы получить ответ на поставленный вопрос, необходимо более подробно остановиться на методе исследования, который использует Москва.

Особо следует отметить, что при объяснении факта широкого спектра политических доктрин, существовавших в истории, автор совершенно обоснованно обращается к природе человека. При этом присутствующие в аргументации итальянского элитолога антропологические сюжеты перекликаются с известными идеями Аристотеля о человеке как «политическом животном»: «Любая политическая организация в одно и то же время спонтанна, стихийна, потому что является следствием общежительной природы человека, и в то же время насильственна из-за того, что человек не может жить, не принадлежа ни к какой, даже примитивной политической организации»⁴.

Значительное внимание в книге уделяется выявлению того, в результате воз-

² Там же, с. 217–218.

³ Там же, с. 23.

⁴ Там же, с. 251.

¹ Москва Г. Указ. соч., с. 199.

действия каких обстоятельств формировались политические доктрины и какой практический эффект они имели. Тем самым устанавливается прямая связь каждой доктрины с эпохой и указывается на невозможность рассмотрения ее вне конкретно-исторических условий, в которых произрастают идеи и концепции. В качестве указанных условий можно назвать географическую, культурно-цивилизационную и иную детерминацию политических доктрин, порождающую их разнообразие. Для объяснения данного феномена следует в каждом конкретном случае максимально учитывать все возможные факторы, определяющие специфику доктрин. Тот или иной фактор может оказаться весьма существенным по силе и результатам своего воздействия. Как пишет автор книги, в человеческой истории действительно можно обнаружить, например, случаи, когда «изменение военных порядков весьма способствовало эволюции порядков политических»¹. Однако в конечном итоге Москва все же предостерегает от упрощения и обоснования детерминации политических доктрин и институтов лишь одним фактором. «Бессмысленно искать единый и постоянный источник всех изменений социального организма»², — говорит он.

С учетом изложенного понятно, насколько обоснованным и уместным является применение Московской институционального метода. Авторский выбор следует объяснить совершенно естественной и тесной связью политических доктрин и политических институтов, причем первые правомерно рассматривать как неотъемлемый элемент вторых. Соотношение между ними, по мнению Моски, можно, говоря современным языком, операционализировать, выразив в виде своеобразной «политической формулы»: доктрины и верования образуют моральную основу власти политических руководителей³.

Итальянский исследователь в качестве важной исходной посылки использует следующую установку: «Невозможно изучать историю политических доктрин в отрыве от истории политических институтов. Мы не можем хорошо осознать ту или иную доктрину, игнорируя тот тип политиче-

ской организации, которому она соответствует, с целью либо его защиты, либо его свержения. Иными словами, без точного знания политической организации данной эпохи и данного народа вряд ли достижимо точное знание тех доктрин, которые у этой общности формировались»⁴. То есть, нельзя понять смысл и назначение различных теорий, последствия их применения, не изучая их через призму современной им эпохи. Какова может быть практическая польза от установления данного факта? И здесь нельзя не согласиться с автором в следующем его утверждении: «...благодаря знанию ментальности, законов, привычек и нравов людей, сформировавших цивилизации, предшествующие нашей, мы можем проследить причины, по которым нации и политические институты, некогда процветавшие, оказались в упадке, переродились и даже прекратили свое существование»⁵.

Итак, политическая доктрина является производным от комплекса условий и факторов самой различной природы. Однако достаточно ли этим ограничиться в объяснении социальной и политической роли доктрин? Уместно в этой связи напомнить известную мысль Карла Маркса, высказанную им в работе «К критике гегелевской философии права» (1844), о том, что «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами».

Поэтому есть все основания говорить об обратном влиянии политических доктрин на социальную действительность. И иногда такое влияние может оказаться весьма существенным, и даже оказаться решающим.

По крайней мере, говоря уже фактически о механизме такого влияния, Москва отмечает, что политические доктрины «придают государственному институтам моральные основания», поскольку они, «глубоко проникая в сознание руководящих классов и народных масс, легитимизируют и дисциплинируют управление, объясняют необходимость подчинения и создают особую интеллектуальную и моральную среду, способствующую умелому руководству ходом социальных событий»⁶. Иными словами, укоренившись в сознании масс доктрины образуют

¹ Там же, с. 39.

² Там же, с. 296–297.

³ Там же, с. 11.

⁴ Там же, с. 12.

⁵ Там же, с. 13.

⁶ Там же, с. 271.

основу консолидации общества и являются эффективным средством социального контроля.

В качестве примера важности прочной моральной основы для обеспечения устойчивости, благополучия и безопасности общества выступает, в частности, то, как Моска объясняет причины падения Западной Римской империи: «...подвергся разложению тот комплекс идей и чувств, который до этого руководил развитием цивилизации, и поэтому истощилась та моральная сила, которая является существенным коэффициентом коллективных усилий любого человеческого общества»¹. Как известно, губительные последствия такого разложения неоднократно имели место и в истории нашей страны. Ясно, что задача по поддержанию моральной силы, питающей нацию и консолидирующей ее, является весьма непростой, особенно для современной России и ее политической элиты.

В целом же изучение труда Моски позволяет убедиться в важности выбора и использования политологом адекватного метода анализа политических явлений, от чего напрямую зависят результаты исследования.

Позитивно оценивая достоинства труда «История политических доктрин», трудно не увидеть в работе проявление весьма неоднозначных доктринальных и идеологических предпочтений самого автора.

Как это можно объяснить? В книге присутствуют явные признаки того, что на ее создание существенное воздействие оказала политическая обстановка в Европе. Здесь следует обратить внимание на то, что труд Моски увидел свет в начале 1930-х гг. К тому времени у власти в самой Италии, где жил и работал Моска, вот уже несколько лет находились фашисты во главе с Муссолини, а в Германии набирал силу нацизм, приход сторонников которого к руководству страной состоялся как раз в год выхода книги. Как известно, приверженцы этих идеологий были рьяными противниками коммунистов и, следовательно, Советского Союза.

Поэтому не может быть случайным и требует объяснения то, что в книге из всех описанных политических доктрин наиболее подробно разбирается и подвергается

жесткой и развернутой критике именно марксизм.

Справедливости ради следует признать, что марксизм действительно не лишен слабых мест, что распространяется и на любые другие учения. Однако если их Моска характеризует в целом спокойно, пытаясь найти им разумное и рациональное объяснение, то марксизм он целенаправленно критикует, оспаривая и ниспровергая многие его положения. Например, он обвиняет марксизм в стремлении упрощенно объяснять всю историю человечества и все политические трансформации исключительно изменениями способа производства и производственных отношений.

В своей негативной оценке реализации политической доктрины марксизма Моска категоричен, о чем свидетельствует, в частности, следующее его утверждение: «Если бы был введен коммунизм, то современное европейское государство превратилось бы в политический организм худший, чем тот, который функционировал на азиатском Востоке при наиболее отвратительных тиранах»². В этой фразе содержится откровенный намек на Советский Союз и возможность экспансии с его стороны. Ирония же истории состоит в том, что поработенная вскоре Европа вкусила все «прелести» диктатуры нацизма и фашизма, а освобождение ее стало возможным благодаря, прежде всего, СССР.

По сути, в качестве обвинения марксизма Моска указывает, говоря о Германии, на то, что «наиболее известными пропагандистами социализма в этой стране были евреи...»³ и с удовольствием фиксирует, что когда будущему основателю марксизма исполнилось 5 лет, его «отец со всей семьей перешел в протестантизм, сменив свою старую фамилию Мордехай на новую — Маркс»⁴.

В целом же невозможно не обратить внимание на то, что в книге последовательная критика марксизма и коммунизма сильно диссонирует с рациональным объяснением Московской существования расовых теорий. Как известно, расовые теории были одной из главных идейных основ нацизма и фашизма. Пожалуй, с учетом специфики современной Моске эпохи,

² Там же, с. 272.

³ Там же, с. 253.

⁴ Там же, с. 261.

¹ Там же, с. 69.

не удивительно, что в книге содержатся целых 2 главы (из 19), посвященных их анализу.

Вместе с тем ознакомление с характером оценки Московской расовых теорий позволяет утверждать, что, несмотря на отсутствие явно артикулированных симпатий, они, по сути, ему импонируют. Автор, в частности, постулирует следующее: «...именно в XIX и нынешнем веках возникает и энергично утверждается концепция органического неравенства различных человеческих рас и, следовательно, различных народов»¹. Данное обстоятельство, по его мнению, и учитывается политической наукой. Можно привести и другие примеры.

Так, обращает на себя внимание то, что основные положения своей концепции политического класса Моска наиболее подробно излагает именно в главе «Расовые теории» и в известной мере опирается на них.

Собственную теорию, как изложено в этой главе, автор считает универсальной для объяснения функционирования механизма всех политических изменений. Как полагает Моска, «новый метод политических исследований имеет тенденцию концентрировать внимание теоретиков именно на формировании и организации руководящего класса»². Размышления о выведении указанной выше «политической формулы», ее содержательное раскрытие находятся именно в главе, посвященной расовым теориям. Если синтезировать подходы расовой теории и выведенную Московской политическую формулу, то можно предположить, что речь идет не просто о господствующем политическом классе, а фактически о расе господ, призванных властвовать в силу физиологической принадлежности к ней.

Почему-то как раз в рамках рассмотрения расовых теорий в книге содержатся рассуждения о невозможности определения единого и постоянного источника всех социальных и политических изменений. Но тогда получается, что Моска противоречит самому себе, если наличие руководящего политического класса будет

объяснено исключительно с позиций превосходства одной расы над другой.

Оценочные суждения относительно расовых теорий на фоне резкой критики марксизма, по сути, раскрывают идеологическое кредо самого Моски. Известно, к каким катастрофическим результатам для всего мира привела практическая реализация установок расовых теорий. Моска об этом еще не знал, но, как глубокий теоретик и автор труда об истории политических доктрин, должен был предвидеть ее последствия.

Между тем, современник Моски немецкий социолог и политический мыслитель Макс Вебер, жестко разделяя научное познание как объективное, не зависящее от мировоззренческих установок ученого и политическую деятельность, даже того же самого ученого, отмечал: «Непосредственная обязанность профессиональных “мыслителей” состоит прежде всего в том, чтобы сохранять трезвость перед лицом господствующих идеалов, какими бы величественными они ни казались, сохранять способность “плыть против течения”, если в этом окажется необходимость. ...Политическая установка и научный анализ политических образований и партийной позиции — это разные вещи»³. Со справедливостью этих утверждений нельзя не согласиться. Реалии же таковы, что в ряде случаев политологические исследования действительно несут на себе отпечаток заказа и идеологизированности. В результате в анализе социальных объектов и политических отношений порой игнорируются именно те аспекты, которые неприятно осознавать, обнажать, если это противоречит сложившейся политико-идеологической позиции исследователей или установкам тех социальных сил, которым они симпатизируют. В случае же с Московской следует констатировать, что ему не удалось устоять на позициях объективности. Таким образом, можно утверждать, что институциональный метод позволяет выявить и специфику «доктрины» самого автора теории политического класса, поскольку позволяет объяснить, что и каким образом повлияло на ее создание.

¹ Там же, с. 283.

² Там же, с. 299.

³ Вебер М. Избранные произведения. — М. : Прогресс, 1990, с. 600, 721.